HAL
open science

ПЕРЕ-ВЕСТИ И.А. БУНИНА. “БЕЗУМНЫЙ ХУДОЖНИК” В ПЕРЕВОДЕ МОРИСА ПАРИЖАНИНА (1923)

Tatiana Victoroff

To cite this version:

Tatiana Victoroff. ПЕРЕ-ВЕСТИ И.А. БУНИНА. “БЕЗУМНЫЙ ХУДОЖНИК” В ПЕРЕВОДЕ МОРИСА ПАРИЖАНИНА (1923). Ivan Bounine et son temps : les contextes de son destin, l’histoire de son œuvre, IMLI RAN Litfac, pp.769-789, 2021. ⟨hal-03715905⟩

HAL Id: hal-03715905

https://hal.science/hal-03715905

Submitted on 6 Jul 2022

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L’archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d’enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-769-843

This is an open access article Distributed
under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

ПЕРЕ-ВЕСТИ И.А. БУНИНА. «БЕЗУМНЫЙ ХУДОЖНИК» В ПЕРЕВОДЕ МОРИСА ПАРИЖАНИНА (1923)

© 2021 г. Т.В. Викторова

Аннотация: В статье рассматривается переводческая деятельность Мориса Донзеля, пишущего под псевдонимом «Парижанин». Свидетель русской революции, переводчик Ленина и Троцкого, после возвращения во Францию он продолжает сотрудничество с коммунистической прессой и параллельно становится первым и основным переводчиком И.А. Бунина. На материалах переписки Мориса Донзеля с Буниным из Русского архива в Лидсе, Бунина и Донзеля с Роменом Ролланом и Мориса Донзеля с Марселем Мартине из рукописных фондов Парижской Национальной библиотеки в статье показываются попытки Парижанина перевести Бунина не только на французский язык, но и в другой идеологический лагерь. В 1923 г. такое сближение представлялось возможным, как показывает история публикации рассказа «Безумный художник» («Le fol artiste», пер. М. Парижанина) в первом номере журнала «Европа» и нарождающееся сотрудничество писателя с Роменом Ролланом. В статье анализируются особенности этого перевода, где пародийное бунинское «рождение нового человека» становится «Рождеством Нового Человека!». Однако параллельно «проводник» Бунина прилагает все свои знания языков и идеологических кодов для пере-вода в своей среде «контрреволюционного» Бунина из категории «запретное» в «читаемое», предлагая подняться до Бунина не в меньшей мере, чем сделать его «своим». В приложении впервые публикуются письма Мориса Донзеля и его сотрудников по «Юманите» и «Европе», переписка Бунина с Р. Ролланом и фрагменты дневниковых записей Ромена Роллана 1922–1923 и 1928 гг.

Ключевые слова: И.А. Бунин, перевод, интерпретация, идеология, левая французская пресса, эмигрантская литература, Ромен Роллан, Марсель Мартине, французские издательства.

Информация об авторе: Татьяна Владимировна Викторова — доктор филологических наук, профессор, Université de Strasbourg, Faculté des Lettres. Bâtiment Le Portique, 14 Rue René Descartes, BP 80010 67084 Strasbourg Cedex, France; литературный директор издательства ИМКА-Пресс, 11, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris, France. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2607-7693. E-mail: tatiana.victoroff@gmail.com.

Для цитирования: *Викторова Т.В.* Пере-вести И.А. Бунина. «Безумный художник» в переводе Мориса Парижанина // И.А. Бунин и его время: контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов; ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 769–843. (Академический Бунин; 3). https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-769-843

Иван Алексеевич Бунин — один из немногих писателей русской диаспоры, французские переводы которого появляются уже в первые месяцы его парижской эмиграции. В марте 1921 г. журнал «L'Action Nationale» в подборке

материалов, иллюстрирующих «ад в Советской России», которые «восполняют и подтверждают друг друга, исходят из разных источников, но взывают к тому же выводу» [Mony, 1921, p. 369][1], появляется бунинский рассказ «Соотечественник» («Un compatriote») в переводе «Мориса» [Bounine, 1921]. Переводчик, французский писатель и поэт Морис Донзель (1885–1937) использует все средства французского языка для того, чтобы передать изумление бунинского героя, «гостя из России» перед встреченным в индийских тропиках соотечественником-самородком. Донзель был известен французскому читателю «Clarté» и «L'Humanité» также под псевдонимом «Parijanine», русское звучание которого указывает на тесную связь с Россией, где он действительно работал в годы революции в газете Горького «Новая жизнь»[2], а в 1920 г. был назначен Анри Гильбо главным редактором «*Bulletin français de l'Internationale communiste»*.

С 1921 г., вернувшись во Францию, Морис Парижанин переводит, друг за другом, три сборника рассказов Бунина под общими заглавиями «Le Monsieur de San Francisco» («Господин из Сан-Франциско») [Bounine, 1922 a], «Le Village» («Деревня») [Bounine, 1922 б] и «Le Calice de la vie» («Чаша жизни») [Bounine, 1923]. В середине 1930-х гг. появятся «À la source des jours» («Истоки дней») [Bounine, 1935] и «Elle» («Она») [Bounine, 1938] — французские версии «Жизни Арсеньева». Большинство переводов было подписано: «autorisé par l'auteur», что указывало на совместную работу переводчика с автором.

Все эти переводы, суждения о которых и критиков, и читателей резко разнятся, и поныне издаются большими тиражами и служат стимулом к появлению новых переводов Бунина на другие европейские языки.

Из обширного наследия, охватывающего период сотрудничества Бунина и Парижанина с 1921 по 1937 (год смерти переводчика)[3], мы рассмотрим рассказ «Безумный художник», написанный Буниным в октябре 1921 г., переведенный Морисом Парижанином в середине 1922 г. и опубликованный Роменом Ролланом в феврале 1923 г. в первом номере журнале «Europe» («Европа»). И эта дата, 1923 г., и выбор самого текста представляются очень существенными для появления новой читательской аудитории и других пе-

[1] Здесь и далее перевод франкоязычных источников на русский — автора статьи. Все цитируемые в статье письма М. Донзеля, М. Мартине, Р. Роллана, И.А. Бунина, за несколькими исключениями, приводятся целиком в Приложениях 1 и 2. Ссылки на архивные источники хранения писем в дальнейшем даны в примечаниях к Приложениям; к письмам, не вошедшим в Приложения — в постраничных сносках к статье.

[2] О своей работе «информационным агентом в русском журнале перед революцией» Донзель упоминает, в частности, в своем письме Марселю Мартине от 16 февраля 1923 г., см.: Приложение 1, № 4.

[3] Последнее письмо М. Донзеля Бунину, сохранившееся в РАЛ, датировано 25 августа 1936 г. (РАЛ. MS 1066/2304). В нем говорится о сдаче книги «Elle» в издательство «Stock». Работа над корректурой, к которой автор возвращался несколько раз, продолжалась несколько месяцев. См.: письма М. Донзеля И.А. Бунину в Приложении 1.

реводчиков. Они сыграли немаловажную роль и в истории присуждения Бунину в 1933 г. Нобелевской премии, которая, в свою очередь, вызвала еще большую волну интереса западной публики и к самому писателю, и к русской литературе в целом.

Настоящая работа основана на архивных материалах. После краткого введения о роли Мориса Донзеля как посредника между русским эмигрантским и французским «левым» интеллектуальным миром и истории первых публикаций Бунина в «L'Humanité» («Юманите») и «Европе», мы проанализируем особенности перевода «Безумного художника», возникающие в связи с ним парадоксы и те новые горизонты, которые открывало это сотрудничество.

Выражаю глубокую благодарность куратору Русского архива в Лидсе Ричарду Дэвису за ценную помощь в работе и возможность публикации писем Мориса Донзеля и Ромена Роллана, хранящихся в Русском архиве в Лидсе; Sylvie Bourel, хранительнице рукописного фонда Ромена Роллана Парижской Национальной библиотеки за разрешение на публикацию писем И.А. Бунина Ромену Роллану и неизданных фрагментов его дневников. Благодарю также Т.М. Двинятину за указанные записи о Донзеле в переписке И.А. и В.Н. Буниных и Б.К. и В.А. Зайцевых, В.В. Полонского за содержательную статью «Левая печать об И.А. Бунине: к вопросу об идеологической репутации писателя в 1920–1940 гг.» [Полонский, 2018].

Между двумя берегами

4 декабря 1923 г. Вера Николаевна Бунина записала в дневнике:

> Отправила<сь> к Боссару. Ян надписывал свои книги. Там был и Донзель. Похудел: очень много работы. Признался, что коммунист. Я сказала, что не верю ему. Он промолчал. Переводит Пильняка. Я сказала: «Перевод будет лучше оригинала». Он сам пишет роман из русской жизни. Думает, что роман не будет тенденциозен[4].

Уже эта беглая зарисовка несколькими широкими мазками дает портрет Мориса Донзеля. Встреча происходит «у Боссара» — парижского издателя, в космополитический кругозор которого входила русская литература, классическая и современная. Бунины познакомились с ним через Мережковских. С тех пор Морис Донзель, один из переводчиков «Царства Антихриста» Мережковского [Merejkowsky, 1921; Merejkowsky, 1922], становится первым переводчиком Бунина. С 1921 по 1923 гг. у Боссара появляются три сборника бунинских рассказов, созданных писателем еще до эмиграции.

[4] В.Н. Бунина. Дневник 1923 г. (РАЛ. MS 1067/379).

Признание «похудевшего» Донзеля (только что закончившего перевод сборника «Чаша жизни», экземпляры которого подписываются Буниным), вызывает характерную для среды русской эмиграции реакцию. В.Н. Бунина не может не знать об убеждениях Донзеля[5], мужа Надежды Буйневич, сестры Бориса Зайцева, свадьба которых и «помешанность Донзеля на Советах» были трагедией всей семьи [Соллогуб, с. 127]. Но Вера Николаевна предпочитает «не верить», давая понять, что в ее представлении он выше этого. «Роман из русской жизни»[6] завершает этот портрет, в котором сплелись самые яркие противоречия эпохи: свидетель русской революции, призванной, по его словам, «воскресить душу всего человечества, угасшую после смерти христианской веры»[7], пламенно уверовавший в будущее Советской России, Донзель предпочитает свидетельствовать об этом во Франции[8], в роли члена руководящего комитета журнала «Clarté» (под ред. Анри Барбюса) и обозревателя рубрики «Интеллектуальная жизнь» газеты «L'Humanité» (под ред. Марселя Кашена). Переводчик Ленина[9] и Троцкого, и в то же время поклонник Н.А. Бердяева (который стал свидетелем на их свадьбе с Надеждой Зайцевой-Буйневич), во Франции он продолжает свое литературное и публицистическое творчество, обращенное к России [Parijanine, 1927; Parijanine, 1928; Parijanine, 1938], переводит русских авторов[10], среди которых главное место занимает Бунин.

---

[5] Об этом сам Донзель пишет Мартину Мартине, литературному редактору «L'Humanité», уже 16 декабря 1921 г.: «Теперь я ничем не рискую. Мои русские уже знают, что я ваш сотрудник». См.: Приложение 1, № 2.

[6] Речь идет о романе Донзеля «La Fausse mariée, ou le Moulin sur l'Oprane» («Мнимая новобрачная или мельница на Опране») [Parijanine, 1927]. Автор вспоминает о нем позднее в своем сборнике рассказов и эссе «Сказания о Белой стране» как о первой попытке «нарисовать фреску интимной жизни этой великолепной и гостеприимной страны, революционные вакханалии которой еще ужасали "цивилизованное общественное мнение"» [Parijanine, 1938, p. 7]. В письме Жану-Ришару Блоку, своему коллеге по «Clarté», Донзель пишет о планах публикации романа не только в «L'Humanité», но и «по-русски в русском журнале» (BNF, département des Manuscrits, fonds Jean-Richard Bloch, NAF 28222 (159), f. 323).

[7] Письмо М. Донзеля к М. Мартине от 16 февраля 1923 г. См.: Приложение 1, № 4.

[8] Разделяя коммунистические убеждения, Донзель не был членом компартии. По этой причине, следуя советам Анри Гильбо (Henri Guilbeaux), основателя французской коммунистической партии, он выехал из России в 1920 г. с так называемым «французским эшелоном» в ходе массовой эвакуации французов из Москвы [Parijanine, 1931, p. 20–21].

[9] Воспоминания Донзеля содержат живописные описания его работы над переводами Ленина и личных «нечаянных» встреч с вождем Октябрьской революции [Parijanine, 1931, p. 16–17]. В 1920–1930 гг. его переводы Ленина, Троцкого и Зиновьева публиковались во французских коммунистических издательствах [Lénine, 1927; Trotsky, 1930, 1933].

[10] С начала 1920-х гг. и до конца жизни Парижанин перевел произведения Б. Пильняка, А. Блока, С. Черного, И. Бабеля, Б. Зайцева, А. Демидова, А. Серафимовича, А. Фадеева, Л. Леонова. Позднее он вспоминал, что выбор для перевода таких разных писателей позволил показать разные лики России: не только прозаиков «твердокаменной» традиции, как И. Бунин и Б. Зайцев, но и «дерзновенных новаторов, являющих совершенно новую Россию, вскипающую надеждой и молодой силой на руинах первой мировой войны и <…> жутких гражданских междоусобиц» [Parijanine, 1938, p. 7–8].

«Ваша абсолютная правда художника — в нашей области»: публикации в «L'Humanité»

Близость к семье Бориса Зайцева и множественность талантов переводчика-француза[11] объясняют его встречу с Буниным и начало их сотрудничества, ознаменованного в конце 1921 г. выходом сборника «Le Monsieur de San-Francisco» с портретом Бунина работы Леона Бакста и предисловием, написанным автором книги по просьбе издателя Боссара [Bounine, 1922 a, p. 7–17]. Книга вызвала довольно широкий читательский резонанс [Марченко, с. 452–551] и неожиданно высокую оценку в коммунистической среде.

Об этом Донзель, несомненно, зная о политических взглядах Бунина, пишет ему 8 декабря 1921 г. (на прекрасном русском языке и по правилам старой орфографии). Он цитирует своего «личного друга, поэта Marcel Martinet, руководящего литературным отделом "L'Humanité"» и просит от его имени воспроизвести в главном органе французских коммунистов «четыре–пять страниц "этого страшно реакционного (как он себя мнит) и восхитительного Бунина" — "de ce terriblement réactionnaire (qu'il croit) et admirable Bounine"». Приведя таким образом слова Мартине, Донзель заключает: «Он <т. е. Мартине> хотел бы взять рассказ Павла в "*Ночном разговоре*"»[12].

Предчувствуя отказ, Донзель настаивает, что обращается «не к Бунину-изгнаннику, а к Бунину-художнику», подчеркивает «широкие гуманистические правила и понятия» руководителей «L'Humanité», в то время как «редакторы "Figaro" бросили бы <…> "Господина из Сан-Франциско" в корзину». При этом Бунин-художник должен оценить и «восхищение тонких любителей прекрасного»: литературный редактор «L'Humanité» прежде всего назван поэтом. Переводчик обращается к автору на языке его произведений: он цитирует излюбленную фразу Тихона Ильича («имейте в виду»), персонажа бунинской «Деревни», которую он переводит в данный момент. Среди аргументов — и возможность оказаться в ряду публикуемых «L'Humanité» русских классиков, в том числе и «христьянина» Чаадаева, и, главное, новая читательская аудитория: «речь идет о представлении Вас французским социалистам, как и прочей публике».

Бунин дает согласие, о чем Донзель с облегчением сообщает Мартине: «Бунин, обладающий огромным влиянием, согласен опубликоваться у вас»[13]. Отрывок из «Ночного разговора» появится в двух номерах «L'Humanité» за 3 и 4 февраля 1922 г. со ссылкой на недавно вышедшую книгу [Bounine, 1922 в].

[11] «Ваш Maurice le poète», подписывается Парижанин в письме Бунину от 3 мая 1934 г. См.: Приложение 1, № 9. Первая книга, изданная Парижанином, — сборник стихотворений [Parijanine, 1911]. Подборка его стихотворений разных лет опубликована в журнале «Les Humbles» («Смиренные»), в номере, посвященном памяти Мориса Донзеля [Humbles, 1939].

[12] См.: Приложение 1, № 1. Выделенные курсивом слова подчеркнуты в тексте.

[13] Письмо М. Донзеля к М. Мартине от 16 декабря 1921 г. См.: Приложение 1, № 2.

Этому событию предшествуют еще две знаменательные публикации. 18 декабря 1921 г. в этой же газете печатается рецензия на «Господина из Сан-Франциско», подписанная инициалами «М.М.». Автор рецензии обращает внимание на то, что «пятидесятилетний писатель Бунин, эмигрант, преисполнен ненависти к советскому режиму, в котором <он> усматривает нечто вроде царства Дьявола». «Тем самым, — продолжает критик, — вряд ли мы доставим ему удовольствие, сказав, что в своем мировоззрении он — революционер. И все же мы видим в нем революционера: по его суровой и пламенной впечатлительности; по силе, с которой отзывается в нем реальность социальных отношений; по ощущению, всегда присутствующему, но никогда не выражаемому прямо, что так — нехорошо, и это следовало бы изменить» [М.М., 1921].

М.М. — не кто иной, как Marcel Martinet. Это явствует из письма Донзеля к Мартине от 5 января 1921 г.: посылая Мартине свою статью «Иван Бунин», он упоминает и эту рецензию:

> Я полагаю, она не дублирует Вашу. Вы достаточно меня знаете, и знаете, что я пишу не из расчета[14].

Большая статья «Иван Бунин» за подписью «Парижанин» была опубликована в «L'Humanité» 31 января 1922 г. в рубрике «Современные русские писатели». Автор открыл ее цитатой из Пятикнижия, уподобив Бунина библейскому пророку Валааму, который трижды хочет проклясть своих врагов, но вопреки своей воле трижды «изрекает обратное»: ибо «Истина вопиет его устами» [Parijanine, 1922 a, p. 2]. Толкование этой Истины, неподвластной гению-художнику, сотрудники «L'Humanité» оставляли за собой: это следовало уже из заметки М.М., а теперь и Парижанин со своей стороны выражал ту же мысль на языке универсальных библейских образов. Сам он, впрочем, в цитируемом выше письме к Мартине настаивает на отсутствии какой бы то ни было тенденциозности своего текста, словно извиняясь за его возвышенный тон: «Я пишу то, что думаю, и я говорю о моем герое, как говорил бы о Толстом или о Пушкине, — художественно (если можно так выразиться)». И, видимо, перечитывая письмо, приписывает между строчками: «особое отвращение вызвали у меня глуповатые оценки, которые я читаю о Бунине в "Mercure" и др.».

В этом случае речь идет, очевидно, о первых рецензиях на «Господина из Сан-Франциско» Жана Шюзевиля, обозревателя рубрики «Русская литература» в журнале «Mercure de France» и известного переводчика Пушкина, Гоголя, Достоевского и, вместе с Донзелем, «Царства Антихриста» Мережковского. И именно как выразитель — наряду с Мережковским — апокалиптических настроений и как жертва революции Бунин фигурирует в его

[14] Письмо М. Донзеля к М. Мартине от 5 января 1922 г. См.: Приложение 1, № 3.

заметках. Из них, в частности, следует, что «Господин из Сан-Франциско» был написан якобы уже в изгнании как ответ на революционные события [Chuzenville, 1921, p. 816].

Донзель счел своим долгом ответить на столь явное искажение фактов и чуждую ему интерпретацию и в приписке к письму просил Мартине «не отсрочивать “моего Бунина” — если только в меру необходимости». Статья Донзеля была напечатана в конце января. Вместе с рецензией М.М. на «Господина из Сан-Франциско» и публикацией фрагмента из «Ночного разговора»[15] они в совокупности создали образ писателя, с мощной художественной силой показывающего обреченность старого мира.

Наблюдения Донзеля, как и заметки о чтении книг Бунина Марселя Мартине, сформулированы на основе чтения переводов Мориса Парижанина, который таким образом оказывается в роли не просто переводчика, но и посредника между двумя политическими полюсами. Это может напомнить определение перевода, принадлежащее Марине Цветаевой, включенное в заглавие данной статьи: Цветаева, переводчица на французский Пушкина и Лермонтова (но и во многом чуждого ей по взглядам Ильи Эренбурга, и Рильке) напоминает второе значение русского слова «перевод / перевести»:

> Перевести не только на (русский язык, напр.), но и через (реку) [Цветаева, 1929, с. 32].

Для Донзеля-Парижанина этот другой «берег», на который он пере-водит русского писателя, — идеологический. «Правда принадлежит всем, — пишет он Бунину 11 ноября 1933 г., поздравляя с Нобелевской премией, — и Ваша абсолютная правда мастера образов — в нашей области, столько же, и, быть может, даже больше, чем то место, которое Вы сами определили для себя в политической и социальной жизни этих времен»[16]. Из контекста письма (на этот раз написанного по-французски) следует, что «мы» — это «художники-революционеры», а Бунин только «мнит себя» «страшно реакционным», о чем Парижанин уже писал ему в своем первом письме словами Марселя Мартине.

Начало сотрудничества с Роменом Ролланом

Показательно, что в очень близких словах о Бунине отзывался Ромен Роллан, прочитав сделанный Парижанином перевод «Господина из Сан-Франциско».

[15] Изъятый из контекста, отрывок мог быть легко проинтерпретирован как рассказ о загнанном при царском режиме народе, слепо повинующемся приказаниям и убивающем арестанта за рубль и похвалу перед полком.

[16] Письмо М. Донзеля И.А. Бунину от 11 ноября 1933 г. См.: Приложение 1, № 5.

Одна из первых характеристик содержится в его известном письме к Луизе Круппи от 20 мая 1922 г.:

> Конечно, он совсем не “с нашего берега”, он неистово, желчно антиреволюционен, антидемократичен, антинароден, почти антигуманен, пессимист до мозга костей. Но какой гениальный художник! И, несмотря ни на что, о каком возрождении русской литературы он свидетельствует! Какие новые богатства красок, всех ощущений! Само же его сознание, я чувствую, пронизано (вопреки его собственной воле) духом необъятной, непостижимой Азии <…> [Литературное наследство, 1973, с. 375].

Об этом же говорит дневниковая запись Ромена Роллана, сделанная в первых числах июня 1922 г.:

> Прочел <…> с подлинным восхищением книгу рассказов Ивана Бунина *Господин из Сан-Франциско*. Она представляется мне обновлением гениального искусства уже необычайно богатого русского романа. — Обменялся с автором пылкими письмами[17].

Письмо Ромена Роллана Бунину было отправлено 10 июня 1922 г. из швейцарского Villeneuve, в числе многих писем, написанных французским писателем в эту пору интеллектуалам всего мира. (В этой связи Донзель напишет Роллану, что благодаря его ответам он чувствует себя связанным «чутким посредничеством» со всей Европой[18]). Бунину Роллан пишет, действительно, в возвышенном тоне: благодарит за «художественное наслаждение», высоко оценивает «гениальную красоту» бунинских рассказов, которые ставит выше «тех идей, которые нас разделяют — точнее, согласно “norme du monde”, должны бы нас разделять. Но мне это все равно». Роллан цитирует слово в слово свое наблюдение из дневника об обогащении Буниным русского искусства, различая в нем как «головокружительное дыхание приближающегося азиатского Сфинкса», в духе предчувствий Мальро и Рильке, так и «поразительную живучесть человека, подобного растению: его топчут, ломают, грязнят, уничтожают... Он же вновь оживает, каждый раз в новых формах»[19].

Ответ Бунина из Парижа от 20 июня 1922 г. написан в унисон и обращен в свою очередь к Роллану-поэту, «человеку благородного сердца». Бунин отмечает не только то, что разделяет — «norme du monde» — но и «то, другое,

[17] Romain Rolland, *Journal*, Carnet C60 (1er mai – 31 décembre 1923) — (BNF, département des Manuscrits, NAF 26560, f. 16). В записи речь идет о чтении двух писателей: Роже Мартина дю Гарда (впоследствии также почитателя бунинской «Деревни» и «Господина из Сан-Франциско») и Бунина. См. расшифровку всей записи в Приложении 2, № 1.

[18] Письмо М. Донзеля к Р. Роллану от 16 января 1924 г. (BNF, département des Manuscrits, fonds Romain Rolland, NAF 28400).

[19] См. полный текст в Приложении 2, № 2.

что сближает и объединяет нас». При этом он отвечает на главное — жест писательской солидарности («и крепко жму руку, столь дружески и широко мне протянутую») и в свою очередь подтверждает его отправкой французского экземпляра «Деревни» с дарственной надписью[20].

Этот обмен получил широкий резонанс как во французской левой, так и в эмигрантской среде. «Ромен Роллан написал Бунину великолепное письмо, которое очень смутило его (Бунин — правых убеждений), но и глубоко польстило ему», — вспоминал о реакции Бунина Морис Донзель в письме Марселю Мартине, предлагая ему поместить в «L'Humanité» новые материалы об авторе «Деревне»[21]. Бунин, со своей стороны, согласился опубликовать в парижской эмигрантской газете «Слово» перевод письма Ромена Роллана для нового раздела, который должен был знакомить русскоязычных читателей с «мнением авторитетных французов» о «крупнейших русских писателях». 24 июля 1922 г. сокращенное и отчасти потерявшее свой экспрессивный накал письмо Роллана было напечатано среди других материалов на отдельной полосе «Слова» со специальным заголовком «Французы о И.А. Бунине»[22]. Через неделю, 1 августа 1922 г., оно вышло в берлинских «Новостях литературы», его публикации способствовал М. Алданов, который параллельно вел по просьбе Бунина переписку с Роменом Ролланом о выдвижении его кандидатуры на Нобелевскую премию [Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным, с. 267–273]. (В парижском архиве Ромена Роллана сохранилось недатированное, написанное, по-видимому, в начале декабря 1922 г. письмо Бунина, с обращением «Дорогой Друг» и адресованное М. Алданову[23], которое показывает невидимую часть наводимых Буниным мостов с Роменом Ролланом). Друг Алданов не только выполняет просьбу, но и настойчиво советует Бунину самому поспешить обратиться к потенциальному влиятельному покровителю[24], чтобы не упустить срока обращения в Нобелевский комитет до Нового года.

В двадцатых числах декабря 1922 г. в дневнике Ромена Роллана появляется запись о получении от Бунина немецкого издания «Господина из Сан Франциско» с дарственной надписью[25] и двумя новыми рассказами «которых нет во французском издании». Эти рассказы, «Казимир Станиславович» и «При дороге», подчеркнутые Роланом в оглавлении книги, производят на Роллана сильное впечатление. «Первый <рассказ> такой мучительный; второй, позволяющий прикоснуться к такой чистой душе», — так он пишет о них Бунину 3 января 1923 г. Для автора «Очарованной души» это чтение оказывается,

[20] См.: Приложение 2, № 3–5.

[21] Письмо М. Донзеля к М. Мартине от 16 февраля 1923 г. См.: Приложение 1, № 4.

[22] См. фотокопию в Приложении 2, № 6.

[23] См.: Приложение 2, № 7.

[24] Полная переписка И.А. и В.Н. Буниных с М. Алдановым готовится к публикации в 3 книге 110 тома «Литературного наследства».

[25] См.: Приложение 2, № 6–9.

возможно, сильнее всех аргументов и просьб, изложенных в письмах автора и его друга. Он просит один из этих рассказав — «или другой, еще не изданный» — для перевода на французский и публикации в задуманном им журнале «Европа», первый номер которого должен появиться в феврале 1923 г.:

> Среди его сотрудников и французских основателей — Duhamel, Charles Vildrac, René Arcos, Bazalgette, Jean-Richard Bloch, Léon Werth и т. д. Я также буду принимать в нем участие. Главным редактором будет René Arcos (он возглавлял в Женеве издательство Sablier) <…> У нас будет немало иностранных сотрудников. Журнал призван быть универсальным по духу, вне каких бы то ни было политических тенденций. Наша область — искусство и независимая мысль. Редколлегия журнала сочтет за честь видеть Вас среди своих сотрудников. Если Вы в целом не имеете возражений, договоритесь, пожалуйста, об условиях напрямую с Рене Аркосом <…>[26]

Вспоминая о «протянутой руке» из первого обмена письмами, можно сказать, что здесь она протянута вместе с прямым приглашением к сотрудничеству. Оно, пользуясь выражением Донзеля-Парижанина, не может не «польстить» русскому писателю, который тем самым оказывается рядом с «авторитетными французами» не просто в качестве одного из корреспондентов Роллана, но и автора, печатающегося в одном с ним журнале мирового уровня. Очерченная Ролланом в письме открытая художественно-философская программа «Европы» вполне соответствовала бунинскому настрою. Возможно, ему «польстило» бы еще больше, если бы он знал, что в то же время — перед Рождеством 1922 г. и в момент рождения нового журнала — Роллан обращался с подобным предложением к своему близкому другу и сотруднику, известному писателю Жану-Ришару Блоку. Роллан ждал от него материал для «Европы» и объяснял свое удаление в Швейцарию в недатированном письме: «Друг мой, Франция стала мне невыносимой! <…> я не мог больше дышать в ней. Люди! Но где они, люди? Я уже не говорю о ничтожной политике. С ней, само собой, покончено. Но литература, но мысль? Искусства! Искусства! Искусства! <…> “Европа” очень нуждается в Вашем рассказе. Ей не хватает ларца. Или, точнее, ларец у нее пуст»[27].

Бунин оказывается тем «иностранцем», чтение которого даже в переводах позволяет почувствовать новую и мощную мысль, опыт пережитой трагедии, и при этом избежать того, чтобы высокое искусство стало «орудием политической ненависти» (в этом Роллан упрекает, среди писателей-эмигран-

[26] Письмо Р. Роллана И.А. Бунину от 3 января 1923 г. См.: Приложение 2, № 8.

[27] «Mon ami, je n’en puis plus de la France! <…> je ne pouvais plus y respirer. Des hommes! où sont des hommes? (Je ne parle point de la misérable politique: entendu! on en fait son deuil! mais les lettres! la pensée!) De l’art, de l’art, de l’art <…> “l’Europe” aurait rudement besoin d’un roman de vous. Elle manque de coffre. Ou plutôt, le coffre est vide» (BNF, fonds Jean-Richard Bloch, NAF 28222 (182), f. 177–178).

тов, в частности, Мережковского) [Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным, с. 267]. Дружеское участие Роллана простирается до обращения в Стокгольмский комитет, о чем прямо говорится в конце цитируемого выше письма Роллана Бунину от 3 января 1923 г.:

> Я обратился в Шведскую академию, по известному Вам вопросу. Мне хотелось бы иметь на нее то влияние, которое Вы предполагаете. Во всяком случае, уверяю Вас, что я принимаю Ваше дело близко к сердцу.

Три дня спустя Бунин благодарит его за «доброту и внимание, которую люди порой (но, увы, как редко!) проявляют по отношению друг к другу»[28]. Для заполнения «ларца» «Европы» он выбирает «Безумного художника». Видимо, это происходит после состоявшегося обсуждения с Рене Аркосом, который получает в свою очередь экземпляр «Le Monsieur de San-Francisco» с дарственной надписью на русском языке: «Господину René Aros <так!> в знак уважения и на добрую память от Ив. Бунина»[29].

Переводчиком «Безумного художника» и стал Морис Парижанин, который был близким сотрудником Ромена Роллана: именно к нему Парижанин обращается в критический момент с криком о помощи (см.: Приложение 1, № 10–12), дарил ему свои книги. Одна из них рассказывает об эпопее советского ледокола «Красин» [Parijanine, 1928], другая прямо вдохновлена сочинениями мэтра[30].

Будучи сотрудником «Clarté» и «Les Humbles», Парижанин был близок с Рене Аркосом, Жоржем Дюамелем и особенно с Жаном-Ришаром Блоком, которому он отправлял и свои переводы бунинских книг[31]. Начало нового этапа сотрудничества этих писателей в «Европе» вдохновляет Парижанина на создание общей обзорной работы о Бунине для нового журнала. Об этом он сообщает Марселю Мартине 16 февраля 1923 г., на следующий день после выхода первого номера «Европы» с «Безумным художником», предлагая литературному редактору «L'Humanité» найти новых критиков для новых бунинских произведений, ведь «автор этого заслуживает, не правда ли?»[32].

Таким образом, роль Мориса Парижанина оказалась действительно посреднической, он воистину пере-вел Бунина с одного берега на другой и

[28] Письмо И.А. Бунина Р. Роллану от 6 января 1923 г. См.: Приложение 2, № 9.

[29] См. дарственную надпись И.А. Бунина Р. Аркосу на сайте: URL: https://www.litfund.ru/auction/95/221 (дата обращения: 19.02.2021).

[30] На книге Мориса Парижанина «La Houle» («Морская зыбь») [Parijanine, 1929], хранящейся в библиотеке Ромена Роллана в BNF, есть дарственная надпись: «A Romain Rolland, respectueux et affectueux hommage de ce livre peut être inspiré par lui. Maurice Parijanine» («Ромену Роллану, эта книга, вдохновленная им, в знак уважительного и искреннего почтения») (BNF, bibliothèque Romain Rolland, 8-Z R ROLLAND–10939).

[31] «Вы получили от Боссара "Чашу жизни"?», — спрашивает Донзель Жана-Ришара Блока в письме от 11 декабря 1923 г. (BNF, fonds Jean-Richard Bloch, NAF 28222 (159), f. 317).

[32] См.: Приложение 1, № 4.

сделал это не только по своей воле и по воле других сотрудников левой парижской прессы. Сам Бунин уже начинал свой нобелевский путь, и намерение Парижанина расширить его читательскую аудиторию включением в нее левых французских кругов соответствовало бунинскому стремлению быть услышанным в европейском масштабе. Сотрудничество с Роменом Ролланом и «Европой» стало конкретным и значительным шагом к этой цели.

«Рождество Нового Человека»: об особенностях перевода «Безумного художника»

Однако решение «Европы» опубликовать «Безумного художника» может удивить. Этот рассказ, написанный Буниным 18 октября 1921 г.[33], на фоне все более ужасающих вестей из России, при всей многозначности ясен в своей основной тональности. Художник, возвращающийся из заграничного путешествия в декабре 1916 г., накануне самого страшного года в российской истории, одержим идеей написать портрет умерших жены и ребенка по образу иконы Рождества, которая должна стать «рождением нового человека», «откровением, благой вестью для всего мира». Однако из-под его карандаша выходит нечто противоположное его страстным мечтам, как если бы он распахнул врата ада: мир, залитый пожарами, ненависть, сладострастие, братоубийство.

Пародийный характер художника, которого на Западе посетило «откровение»; творческий акт, описанный наподобие «черной мессы»; нелепость желания «подарить эту картину» коридорному гостиницы и, главное, финальная картина, которая может напомнить многочисленные «Распятия» Марка Шагала, — все указывает на то, что речь идет о чудовищных не только для России, но и для мира последствиях русской революции как воплощения «царства Антихриста», длящегося Распятия, об анти-иконе Рождества.

Эта совсем не та Россия, которую рисуют левые интеллектуалы «Европы», связывая с ней надежду на реальное преображение мира. Журнал, при открытости «всем течениям мысли», заданной Роменом Ролланом, остается близок линии французской коммунистической партии, уже в лице его конкретных соредакторов. Среди них — упомянутый выше Жан-Ришар Блок, принадлежавший к крайне левому крылу и защищавший революционную концепцию общества и искусства [Racine–Furlaud, p. 22]. Из переписки Донзеля с Буниным известно, что именно Блок позднее вычитывал переводы Парижанина и держал их французскую редактуру[34]. Что привело к решению «Европы» в первом же номере опубликовать рассказ столь явно «контрреволюционный» — пусть и «восхитительного Бунина» (говоря словами Роллана и Мартине)? (По-

[33] Дата белового автографа (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 2–20).

[34] См. письмо М. Парижанина И.А. Бунину от 7 декабря 1934 г. (PAЛ. MS 1066/2302).

казательно, что «Безумный художник», отправленный в августе 1922 г. Андре Жиду для публикации в журнале «La Nouvelle Revue Française», был вежливо отклонен последним[35]).

И верно ли, что «Безумный художник», вышедший из-под пера Парижанина (или отредактированный для читателей «Европы»), — точный эквивалент бунинского текста?

В целом перевод строго следует оригиналу, однако при такой прямой подаче французский текст приобретает не свойственные его русскому прообразу коннотации. Так, с первой фразы, вместо бунинской воздушной зарисовки: «Золотилось солнце на туманном востоке, за туманной синью далеких лесов, за белой низменностью, на которую глядел с невысокого горного берега древний русский город» [Бунин, 1923, с. 7][36], буквальный перевод глаголов («se dorer»[37] для «золотилось») или, возможно, недопонимание (в словосочетании «с невысокого горного берега» пропало слово «горный») — ведет к напыщенности вместо бунинской легкости, к упрощениям вместо многозначности.

Кроме того, эта точность не всегда точна: в частности, переводчик неожиданно усиливает религиозный контекст. Видение, которое «сводило <художника> с ума целых два года, а потом так дивно преобразилось в Стокгольме» [Бунин, 1923, с. 9], во французском переложении оказывается преображенным «дивно и ужасно» («d'une manière si merveilleuse et si terrible» [Bounine, 1923 б, p. 63], как если бы речь шла о карающем Боге. Однако у Бунина «карают» друг друга сами люди-звери, одержимые злобой и «сладострастием братоубийства» [Бунин, 1923, с. 19]).

Парижанин очень аккуратно относится к литургическим формулам, заглавным буквам для обозначения Младенца, Мадонны, Распятого (изменившим, как известно, написание в советских изданиях). Но переводчик позволяет себе смелость ставить их и там, где их нет: название картины — «рождение нового человека» (все три слова у Бунина написаны со строчных)[38] превращается у Парижанина в «Nativité du Nouvel Homme!» [Bounine, 1923 б, p. 67], т. е. «Рождество Нового Человека!» (с восклицательным знаком). Царство Антихриста, по Бунину, становится здесь Рождеством, недвусмысленно отсылая к главно-

[35] См. письма Андре Жида и Жака Ривьера в Приложении 1 (№ 4, 5) к нашей статье «"Одухотворение материи": И.А. Бунин во французской критике и переводах и Б.Ф. Шлецера», в которой мы подробнее касаемся этого эпизода. См. стр. 723–726 наст. изд.

[36] Русский текст «Безумного художника» цитируется по первой публикации в журнале «Окно» [Бунин, 1923], максимально близкой к первой авторской версии текста, по которой переводил Морис Донзель.

[37] «Le soleil se dorait à l'orient brumeux, au-delà de la bleuâtre brume des forêts lointaines, au-delà de la blanche dépression que dominait, d'une berge peu élevée, une antique ville russe». Все цитаты из французского перевода даются по первой журнальной публикации в «Европе» [Bounine, 1923 б].

[38] Таково написание в первой рукописи (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 9), с копией которой работал Донзель, и в тексте первой русской публикации в «Окне» [Бунин, 1923, с. 12], вышедшей одновременно с публикацией французского перевода рассказа в «Европе» в январе 1923 г.

му литургическому празднику западного христианского календаря. Рождение Нового Человека (оба слова в переводе даны с прописных букв) помещается в этот контекст, вписано в знакомые (и значимые) категории обновления мира, тем самым свидетельствуя о необходимости и его (пере)рождения.

Парижанин, постоянный сотрудник «Clarté» и «L'Humanité», не может не знать, что означает «новый человек» в понимании его революционно настроенных соотечественников: этим выражением, *l'homme nouveau*, пестрят страницы коммунистической прессы. Написание *Le Nouvel Homme* — это сознательный выбор, попытка смягчить прямую бунинскую атаку против большевиков, и, вместе с тем, стремление представить новую идеологию как религиозное мировоззрение, строя новую систему по узнаваемым понятиям и образам. Религиозный язык и тут играет роль посредника, как в случае сравнения Бунина с пророком Валаамом.

В переводе «Безумного художника» этот «Новый Человек» рождается, как в Евангелии, в тот самый момент, когда старый мир требует обновления. Восклицание бунинского художника после возвращения из Стокгольма: «Узнаю тебя, Русь!» [Бунин, 1923, с. 10] переведено Парижанином как « Je te reconnais bien, vieille Russie !» [Bounine, 1923 б, p. 64]. Слово «vieille» («старый, ветхий») получает здесь пренебрежительный оттенок. Для передачи концепта «Русь» у переводчика есть в резерве выражение «La Russie Ancienne», принятое во французских книгах о России с середины XIX в. [Gerebtzoff, 1858]. «La vieille Russie» — это не древняя Русь «Слова о полку Игореве», а ветхая Россия, жаждущая изменений и продолжения жизни. В бунинском «Узнаю тебя, Русь!» есть уничижительный оттенок, но он связан с пародийным характером образа художника, который ослаблен в переводе. «Стекла» героя, через которые он смотрит на мир (и явно видит не то, чем тот является на самом деле), стали простым «lorgnon» (пенсне). Смягчены его дьявольские, во всяком случае двусмысленные черты: «бездна света» [Бунин, 1923, с. 14], которая требуется герою для создания его демонического полотна (у Бунина само слово «бездна», скорее, вызывает ассоциации с тьмой) переводится как «profusion de lumière» [Bounine, 1923 б, p. 69] — «обилие света». Наконец, облегчен и финальный образ «грызни» звероподобных людей, лица которых, по Бунину, «можно было принять скорее за лица скотов, и дьяволов, но никак не за человеческие» [Бунин, 1923, с. 19], у Парижанина же остается «только не за человеческие»: «qu'on aurait cru plutôt voir des mufles de bêtes, de fauves ou de démons que des visages humains» [Bounine, 1923 б, p. 74].

Можно заметить, что всё это небольшие изменения и переводчик был искренен, когда писал Бунину, что стремился «приложить все усилия, чтобы из Ваших прекраснейших произведений сделать новое французское богатство, достойное Вашей славы»[39]. Вместе с тем внесенные нюансы очень существенны — особенно в свете бунинской поэтики, построенной именно

[39] Письмо М. Донзеля И.А. Бунину от 8 декабря 1921 г. См.: Приложение 1, № 1.

на нюансах и тончайших оттенках смысла, которая и создала репутацию Бунина как непереводимого автора. С одной стороны, Парижанин разрушает это предубеждение, с другой — он создает для читателей «Европы» вполне определенную интерпретацию бунинского рассказа, в которой ослаблен контраст между высоким замыслом художника и чудовищным его воплощением, и где болезнь творца — не безумие революции, а безумие России, распятой и ждущей своего Воскресения в Новом Человеке. Мир в целом представлен на пороге, в ожидании изменений, он являет собой пред-, а не пост-революционную Россию, изображенную Буниным. Это может напомнить слова Парижанина, который на упреки «левых» критиков в недостаточном (по их мнению) выражении контрреволюционной сущности Бунина отвечал: «<…> для нас его книги — свидетельство, без которого мы не можем здраво судить об истоках Революции» [Parijanine, 1922 б][40]. Таким образом, Бунин вновь выступает в роли пророка революции, пусть и вопреки собственному желанию. Перевод с языка на язык оказывается все тем же пере-водом с берега на берег, который при этом остается невидимой, «подводной» частью процесса, и его результат распространяется на более широкую, в данном случае, европейскую публику.

Это желание «адаптировать» Бунина под вкусы и, главное, требования своей среды, может быть лучше понято в контексте эпохи: с начала 1920-х гг. Bureau d'Éditions du PCF (издательство французской коммунистической партии) издает каталоги и путеводители, в которых приводит списки литературы для чтения: необходимой (классики марксизма), возможной, и «строго не рекомендованной» [Catalogue]. Эти списки станут к 1936 г. настоящей подконтрольной системой. «Проводник» Бунина прилагает все свои знания языков и идеологических кодов для пере-вода Бунина из категории «запретное» — в «читаемое», предлагая и подняться до Бунина, и сделать его «своим».

* * *

Несколько размышлений в заключение.

Пятнадцатилетнее сотрудничество Бунина и Мориса Донзеля-Парижанина — долгий и трудный путь, на котором для Парижанина добавляются реальные трудности перевода бунинских текстов. Он делится ими с читателями в предисловии к одному из своих последних переводов Бунина, «A la source des jours» («Истоки дней»). «По отношению к этому человеку, — пишет Парижанин, — задача переводчика становится чрезвычайно тонкой, а порой может и ужаснуть. Ни одно слово Бунина, всегда очень тонко вставленное, не должно потерять свою ценность, свой отблеск в недосказанном, свое особое звучание, ритм и теплые тона. Удачи дерзающему!» [Bounine, 1935, p. V].

Над своими переводами Морис Донзель работает совместно с писате-

[40] Вырезка из «L'Humanité» с этой статьей Парижанина сохранилась в бунинском архиве. РАЛ. MS 1066/9133.

лем, который перечитывает корректуры, вносит исправления (с которыми переводчик не всегда согласен), однако отдает бунинскому голосу «понятное право авторского первенства»[41]. Требовательный автор борется, по всей видимости, и с примечаниями, которые Парижанин добавляет в переводимые тексты: ими пестрит, в частности, текст «Деревни» — и они почти полностью исчезают в последующих переводах. Недовольство Бунина вызывают и предисловия Донзеля. Тот защищается, в письме от 16 июля 1935 г. в связи с бунинской критикой его введения к «Истокам дней» пишет: «<…> я воздержался от всех политических суждений. Напротив, я пытался представить Вас и Ваше творчество с наиболее гуманистической точки зрения. Некоторые из моих бывших друзей могут даже упрекнуть меня в независимости мысли, которая исключает всякие пристрастия»[42].

Бунин сталкивается и с тем, что в выбранной роли делового посредника между ним и французскими издательствами (Bossard, Stock)[43] его представитель не всегда оказывается на должной высоте: сумма 3000 франков за перевод «Арсеньева», причитающаяся автору и переводчику, была получена целиком последним («Донзель взял и у меня 1500 фр[анков], и у “Стока”», лаконично дописывает Бунин на письме Надежды Донзель от 26 февраля 1934 г. (Приложение 1, № 6). Наконец, Донзель явно преувеличивает свою роль, когда напоминает Бунину «что в Западной Европе Ваша слава — немножко дело моих рук. *M-r de San Francisco* (не забудьте!) перевели в Англии с *франц<узского>* текста»[44]. В действительности, английский перевод был выполнен в 1922 г. С.С. Котелянским с русского оригинала в соавторстве с D.H. Lawrence и Leonard Woolf [Bunin, 1922].

Однако несмотря на все сложности идеологического, эстетического и этического характера, в ходе этого сотрудничества достигается главное: для таких читателей как Томас Манн, «“Господин из Сан-Франциско” и по-французски сохраняет всю свою осязаемость, точно так же как и “Деревня”» [И.А. Бунин: Pro et contra, с. 115]. Для Ромена Роллана переводы Донзеля позволяют различить в произведениях Бунина показания «барометра», который резким падением давления предупреждает о надвигающейся буре (в этих терминах он обращается к Бунину после прочтения в декабре 1923 г. «Чаши жизни», полученной от «уважающего его почитателя»[45]). Роллан чувствует в прочитанном глубинное сходство бунинского опыта со своим собственным, возникшим вследствие пережитых братоубийственных войн, предвещавших гибель и Российской империи, и европейской цивилизации. Это узнавание происходит во франкоязычном пространстве, в котором переводы Донзеля,

[41] Письмо М. Парижанина И.А. Бунину от 25 августа 1936 г. См.: Приложение 1, № 18.

[42] Письмо М. Парижанина И.А. Бунину от 16 июля 1935 г. См.: Приложение 1, № 17.

[43] См. письма М. Парижанина И.А. Бунину от 16 февраля 1923 г. и от 3 мая 1934 г. См.: Приложение 1, № 4, 9.

[44] Письмо М. Донзеля И.А. Бунину от 27 октября 1934 г. См.: Приложение 1, № 15.

[45] Письмо Р. Роллана И.А. Бунину от 21 декабря 1923 г. См.: Приложение 2, № 10, 11.

с их достоинствами и недостатками, с привнесенными идеологическими оттенками, в конечном счете способствуют выдвижению Бунина на Нобелевскую премию. В этом пространстве Роллану больше всего импонирует идея «связать в рамках одной кандидатуры Бунина и Горького», — он пишет об этом Алданову 11 июня 1922 г. и, вероятно, о том же думает, когда называет произведения Бунина, предвещающие бурю (см. выше письмо Бунину конца декабря 1923 г.).

При этом не оказался ли Бунин в роли своего безумного художника, из вдохновения которого рождается нечто противоположное его замыслу?

Возможно, так. Но важнее, что бунинский талант преодолевает все границы и что далеко отстоящие «берега» сходятся в признании его художественного дара. Уже в 1925 г. положение изменится. «L'Humanité» выступит с грубыми выпадами в адрес Бунина и Мережковского [Bolcheviks]. В 1928 г. Роллан выступит с приветствием к 10-летию русской революции — «величайшей годовщине в истории народов» (цит. по: [Бунин, 1998, с. 576 (комм.)]) — Бунин гневно ответит ему со страниц газеты «L'Avenir». Он призовет Роллана, «проявляющего себя другом банды разбойников и злодеев», отвергнуть теперь «действительно разделяющие нас идеи» и процитирует его июньское письмо 1922 г. [Bounine, 1928]. Последовавший ответ Роллана в «Европе» [Rolland, 1928] показывает, что в обоих случаях дело заключалось не в личных расхождениях во взглядах, а во все более яростной полемике двух радикально настроенных флангов, все более «левеющей» «Европы» и «фашиствующей» «l'Avenir»[46]. Ни тон, ни аргументы, ни заведомо невыполнимые требования сторон не оставляли возможности для диалога, на смену которому пришла жесткая политическая борьба. Наконец, позиции Бунина и Роллана становятся окончательно непримиримыми в связи с московскими процессами 1936 г., против которых, кстати, выступил Морис Парижанин, узнав в них железную руку ЧК, знакомую ему по жизни в Петрограде в 1920 г[47]. Можно предположить, что в его прозрении сыграл свою роль и опыт перевода финальной сцены «Безумного художника» Бунина, равно как и перевод «Распятого народа» Д.С. Мережковского [Merejkowsky, 1921].

Но начало 1923 г. — тот исключительный момент, когда, несмотря на догматизм коммунистической партии и левых французских интеллектуалов, разделяющих всех на «своих» и «чужих», несмотря на враждебность к коммунистам в эмигрантской среде, эти круги сближаются. Роль первого переводчика в этом оказывается ключевой. Подобно Бунину (который, по словам

[46] Так Ромен Роллан определяет идеологическую направленность газеты, в которой Бунин и Бальмонт призвали его к ответу, в дневниковой записи в январе 1928 г. См.: Приложение 2, № 12 и примечание 5 к этой записи.

[47] Позиция твердо высказана, в частности, в письме М. Парижанина Р. Роллану от 26 августа 1936 г. В нем Парижанин призывает Роллана, «протягивающего руку Сталину», очнуться от «Ваших <...> и моих иллюзий в связи с этим варварским веком» (BNF, département des Manuscrits, fonds Romain Rolland, NAF 28400). См. вступительную статью к Приложениям 1 и 2.

Мартине, только «мнит себя» контрреволюционером), Парижанин оказывается шире коммунистической идеологии. Возможно, это почувствовала и В.Н. Бунина (см. выше ее запись от 4 декабря 1923 г.). Он и сам, спустя годы, признался в письме Бунину: «<…> не принадлежу *никакой* партии, и Троцкий знает, что я — не “троцкист”»[48].

Роль Мориса Парижанина состоялась в главном: он передал вкус к бунинским текстам, позволив почувствовать в них нечто большее, чем перевод, и создал почву для диалога, пере-водя Бунина не только с русского на французский, но и с одного идеологического берега на другой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. *Бунин И.А.* Безумный художник // Окно. Париж, 1923. № 1. С. 7–19.
2. *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; примеч. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1998. 640 с.
3. И.А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Бунина в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. 1012 с.
4. Литературное наследство. М.: Наука, 1973. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. 552 с.
5. Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / публ. М.Э. Грин // Новый журнал. Нью-Йорк, 1965. № 80. С. 267–273.
6. *Соллогуб Н.Б.* «Напишите мне в альбом…»: Беседы с Н.Б. Соллогуб в Бюсси-ан-От / автор-сост. О.А. Ростова; коммент. Л.А. Мнухина, при участии О.А. Ростовой. М.: Русский путь, 2004. 280 с.
7. *Цветаева М.И.* Несколько писем Райнер-Мария Рильке // Воля России. Прага, 1929. № 2. С. 25–32.
8. *Bolcheviks*. Petit marché des Lettres et des Arts // L’Humanité. 1925. 17 novembre. P. 2.
9. *Bounine I.* Un compatriote // L’Action Nationale. 1921. 25 mars. P. 377–384.
10. *Bounine I.* Le Monsieur de San-Francisco / trad. du russe par Maurice, avec un portrait de l’auteur, par Bakst. Paris: éditions Bossard, 1922 a. 343 p.
11. *Bounine I.* Le Village / trad. par Maurice. Paris: éditions Bossard, 1922 б. 292 p.
12. *Bounine I.* Propos Nocturnes. Récit de Paul / trad. par Maurice // L’Humanité. 1922 в. 3 février. № 6524. P. 2; 4 février. № 6525. P. 2.
13. *Bounine I.* Le calice de la vie / trad. du russe, avec l’autorisation de l’auteur, par Maurice. Paris: Bossard, 1923 a. 236 p.
14. *Bounine I.* Le fol artiste / trad. par Maurice // Europe. 1923 б. № 1. 15 février. P. 61–74.
15. *Bounine I.* Rupture (Последнее свиданье) / trad. par Maurice // Revue Européenne. 1923 в. 1 juin. P. 35–44.
16. *Bounine I., Balmont C.* Le martyre des écrivains russes. A Romain Rolland. Un appel désespéré / trad. d’E. Halpérine-Kaminsky // L’Avenir. 1928. 12 janvier. № 3592. P. 1–2.

[48] Письмо М. Донзеля И.А. Бунину от 2 июля 1934 г. См.: Приложение 1, № 13.

17. *Bounine I.* A la source des jours. Roman / trad. du russe, avec un avant-propos, par Maurice-Parijanine. Paris: Stock, Delamain et Boutelleau, 1935. 252 p.
18. *Bounine I.* Elle. Roman / trad. du russe par Maurice Parijanine. Paris: Stock, 1938. 177 p.
19. *Bunin I.* The Gentleman from San Francisco and Other Stories / transl. by David Herbert Lawrence, Samuel Solomonovich Koteliansky and Leonard Woolf. Richmond, England: Hogarth Press, 1922. 88 p.
20. Catalogue du Bureau d'éditions. Paris: Centre de diffusion du livre et de la presse, 1938. 86 p.
21. *Chuzenville J.* Lettres Russe. «Ivan Bounine» // Mercure de France. 1921. 15 septembre. № 558, T. CL. P. 815–817.
22. *Chuzenville J.* Le Monsieur de San Francisco // Mercure de France. 1922. 1 janvier. № 565, T. CLIII. P. 233–234.
23. *Gerebtzoff N. de*. Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie: en 2 vols. Paris: Amyot, 1858. 544 p. + 639 p.
24. Les Humbles. Paris, 1939. № 1/2 (aout-décembre): À Maurice Parijanine. 65 p.
25. *Lénine N., Zinoviev G*. Contre le courant: en 2 vols / trad. par V. Serge et Parijanine. Paris: Bureau d'éditions, 1927. 287 p. + 286 p.
26. *Mony S.* Livres nouveaux. La Russie de Lénine // L'Action Nationale. 1921. 25 mars. P. 369–374.
27. *Trotsky L.* 1905 / trad. de Parijanine. Paris: Librairie de "L'Humanité", 1923. 476 p.
28. *Trotsky L.* Ma Vie. Essai autobiographique: en 3 vols / trad. sur le manuscrit par Maurice-Parijanine. Paris: Rieder, 1930. 271 p. + 220 p. + 343 p.
29. *Trotsky L*. Histoire de la Révolution russe / trad. de Maurice Parijanine, revue et approuvée par l'auteur. Paris: Rieder, 1933–1934.
30. *Merejkowsky D*. Le peuple crucifié / trad. par Maurice // Le Règne de l'Antéchrist. Paris, Bossard, 1921. P. 153–208.
31. *Merejkowsky D*. Compagnons éternels / trad. par Maurice. Paris: éditions Bossard, 1922. 325 p.
32. *M.M.* Ivan Bounine. Le Monsieur de San-Francisco / trad. du russe par Maurice, editons Bossard // L'Humanité. 1921. 18 décembre. P. 4.
33. *Parijanine M*. Musée d'un jeune esprit. Paris: E. Figuière, 1911. 76 p.
34. *Parijanine*. Ivan Bounine // L'Humanité. 1922 a. 31 janvier. № 6521. P. 2.
35. *Parijanine*. Le Village // L'Humanité. 1922 б. 27 août. № 6728. P. 4.
36. *Parijanine M*. La Fausse mariée, ou le Moulin sur l'Oprane. Paris: Rieder, 1927. 352 p.
37. *Parijanine M*. Le "Krassine" au secours de l' "Italia": un drame polaire. Paris: Rieder, 1928. 238 p.
38. *Parijanine M*. La Houle. Paris: les Humbles, 1929. 55 p.
39. *Parijanine M*. Des Français en Russie: quelques souvenirs sur la Révolution russe (1919–1920) et sur notre ami Henri Guilbeaux. Paris: les Humbles, 1931. 67 p.
40. *Parijanine M*. Contes du Pays blanc, suivis de quelques essais. Paris: L'Amitié par le livre, 1938. 272 p.
41. *Rolland R*. Réponse à Constantin Balmont et à Ivan Bounine // Europe. 1928. 15 février. P. 246–252.

Исследования

1. *Марченко Т.В*. Французская (франкоязычная) критика // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина: критические отзывы, эссе, пародии (1890-е–1950-е годы). Антология / под общ. ред. Н.Г. Мельникова. М.: Книжница; Русский путь, 2010. С. 499–541.
2. *Полонский В.В*. Левая французская печать об И.А. Бунине: к вопросу о формировании идеологической репутации писателя в 1920–1930-е годы // Филологический класс. 2018. № 4. С. 22–28.
3. *Fetzer L*. The Bunin — Koteliansky — Lawrence — Woolf Version of the "The Gentleman from San Francisco" // Virginia Woolf Quarterly. 1973. Vol. I, № 4. P. 31–46.
4. *Livak L*. Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay. Montréal: McGill-Queen's Press, 2010. 542 p.
5. *Morel J.-P*. Le roman insupportable. L'internationale littéraire et la France (1920–1932). Paris: NRF, Editions Gallimard, 1985. 488 p.
6. *Racine-Furlaud N*. La revue Europe (1923–1939). Du pacifisme rolandien à l'antifascisme compagnon de route // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1993. № 30. P. 21–26.

TRANS-MITTING/FERRING BOUNINE: "THE MAD ARTIST" TRANSLATED BY MAURICE PARIJANINE (1923)

© 2021. Tatiana V. Victoroff

Abstract: The paper deals with the work of Maurice Donzel as translator (pen-name *Parijanine*). A witness of the Russian Revolution, translator of Lenin and Trotsky, on returning to France he continued to collaborate with the communist press and became the first and chief translator of Ivan Bounine. Based on correspondence between M. Donzel with Ivan Bounine from the Russian archive in Leeds, of Ivan Bounine with R. Rolland and M. Donzel with M. Martinet from the manuscript collection of the Bibliothèque Nationale de Paris the paper shows efforts made not only to translate Bounine into French but also to translate him into a different ideological camp. In 1923 such an approach seemed possible as shown by the publication of the story "The mad artist" ("Le fol artiste", transl. M. Parijanine) in the first issue of the journal "Europe" and also in the nascent cooperation with Romain Rolland. The paper analyses the characteristics of this translation, where Bounine's parody "birth of a new man" becomes "Nativity of the New Man!" At the same time Bounine's translator applies all his knowledge of languages and ideological codes to trans-late the "counter-revolutionary" in his milieu Bounine from "forbidden" to "acceptable reading", suggesting raising to Bounine's level as well as "appropriating" him to the cause. The appendix is a first publication of correspondence between M. Donzel and his colleagues from "L'Humanité", of correspondence between Ivan Bounine and Romain Rolland and extracts from the diaries of Romain Rolland, 1922–1923 and 1928.

Keywords: translation, interpretation, ideology, left French press, émigrée literature, Romain Rolland, Marcel Martinet, Bossard, Stock.

Information about the author: Tatiana V. Viktoroff, DSc in Philology, Professor, Université de Strasbourg, Faculté des Lettres. Bâtiment Le Portique, 14 Rue René Descartes, BP 80010 67084 Strasbourg Cedex, France; literary director of the publishing house YMCA-Press, 11, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris, France. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2607-7693. E-mail: tatiana.victoroff@gmail.com.

For citation: Viktoroff, T.V. "Trans-mitting/ferring Bounine: 'The Mad Artist' Translated by Maurice Parijanine." *Ivan Bunin and His Time: Context of Life — History of Work.* Ex. eds. T.M. Dvinyatina and S.N. Morozov; Eds. A.V. Bakuntsev and E.R. Ponomarev. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 769–843. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/AB-978-5-9208-0675-8-769-843

References

1. Marchenko, T.V. "Frantsuzskaia (frankoiazychnaia) kritika" ["French (French-language) Criticism"]. *Klassik bez retushi. Literaturnyi mir o tvorchestve I.A. Bunina: kriticheskie otzyvy, esse, parodii. Antologiia* [*Classic without Retouching. Literary World about the Work of Ivan Bunin: Critical Reviews, Essays, Parodies (1890s–1950s). An Anthology*], ed. by N.G. Mel'nikov. Moscow, Knizhnitsa Publ., Russkii put' Publ., 2010, pp. 499–541. (In Russ.)
2. Polonsky, V.V. "Levaia frantsuzskaia pechat' ob I.A. Bunine: k voprosu o formirovanii ideologicheskoi reputatsii pisatelia v 1920-e – 1930-e gody" ["The Leftist French press on Ivan Bunin: on the Question of the Formation of the Ideological Reputation of the Writer in the 1920–30s"]. *Filologicheskii klass*, no. 4, 2018, pp. 22–28. (In Russ.)
3. Fetzer, Leland. "The Bunin — Koteliansky — Lawrence — Woolf Version of the 'The Gentleman from San Francisco'." *Virginia Woolf Quarterly*, vol. I, no. 4, Summer 1973, pp. 31–46. (In English)
4. Livak, Leonid. *Russian Émigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France: A Bibliographical Essay*. Montréal, McGill-Queen's Press, 2010. 542 p. (In English)
5. Morel, Jean-Pierre. *Le roman Insupportable. L'Internationale Littéraire et la France (1920–1932)*. Paris, NRF, Editions Gallimard, 1985. 488 p. (In French)
6. Racine-Furlaud, Nicole. "La Revue Europe (1923–1939). Du Pacifisme Rolandien à l'Antifascisme Compagnon de Route." *Matériaux pour l'Histoire de Notre Temps*, no. 30, 1993, pp. 21–26. (In French)